William Blake

Уильям Блейк

William Blake

Selected Verse

Moscow
Progress
Publishers
1982

Уильям Блейк

Стихи

Москва
«Прогресс»
1982

Составление, предисловие и комментарии А. М. ЗВЕРЕВА
Оформление Н. И. КРЫЛОВА
Редактор К. Н. АТАРОВА

Блейк У. ИЗБРАННЫЕ СТИХИ. Сборник. Сост. А. М. Зверев. На англ. и русск. яз.— М.: Прогресс.— 1982.— 558 с.

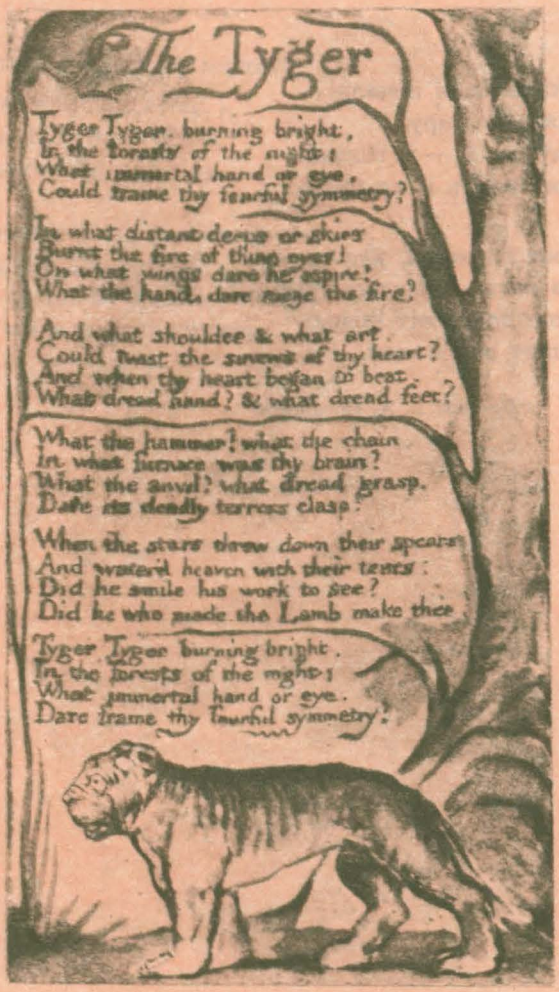
Имя английского поэта и художника Уильяма Блейка хорошо знакомо советскому читателю. Настоящий сборник дает возможность и оценить творчество английского романтика в оригинале, и познакомиться с переводами стихов Блейка, сделанными советскими поэтами и переводчиками — С. Маршаком, В. Топоровым, А. Сергеевым, В. Микушевичем и др. В издании представлены «Песни Неведения и Познания», стихи разных лет, поэмы «Бракосочетание Рая и Ада», «Французская революция», «Америка», «Европа» и др.

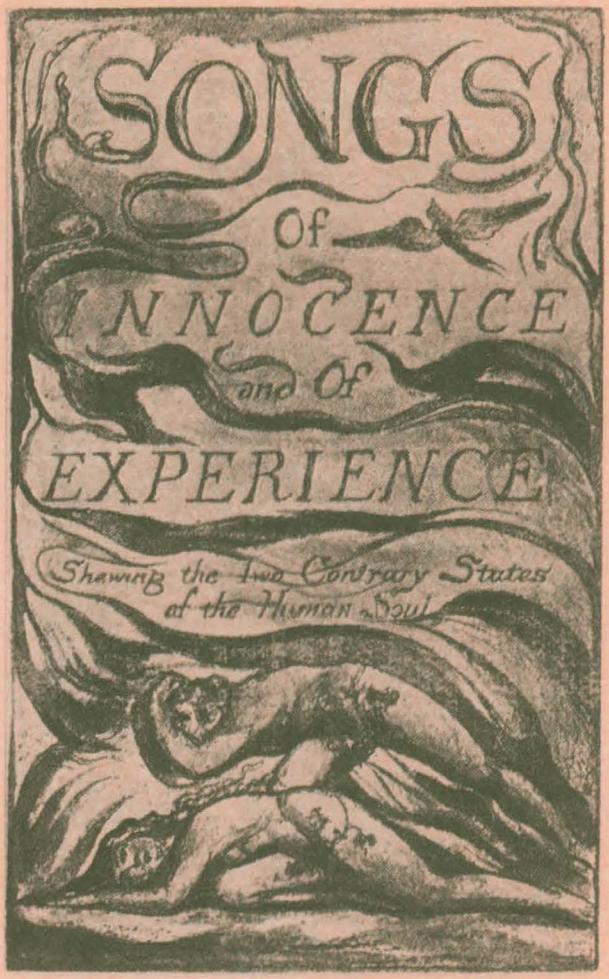
Издание, сопровождаемое вступительной статьей и комментариями к тексту, проиллюстрированное рисунками самого поэта, предназначается для самых широких кругов любителей поэзии.

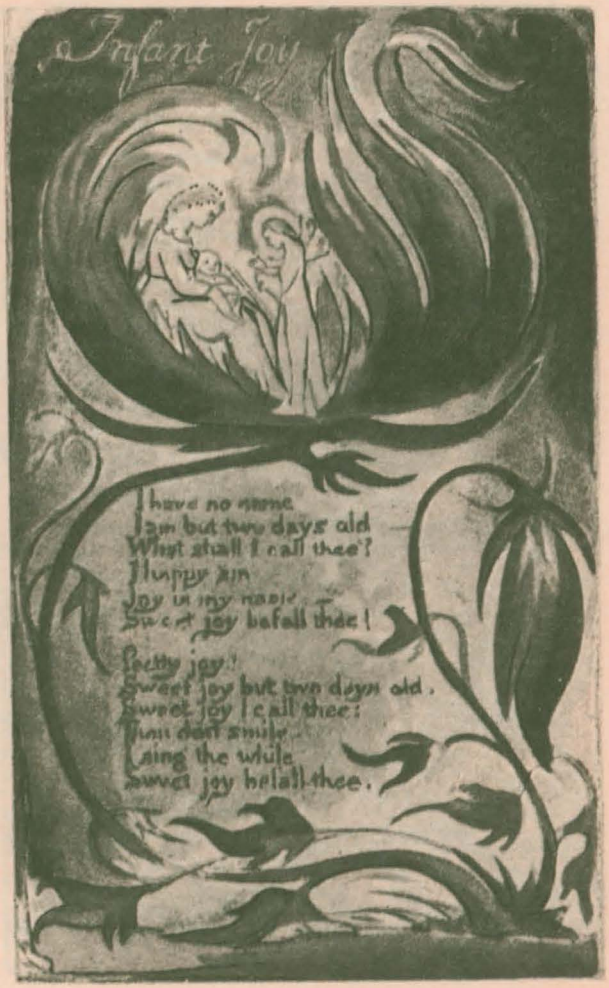
© Составление, предисловие, комментарии, переводы, отмеченные в содержании*, издательство «Прогресс», 1982.

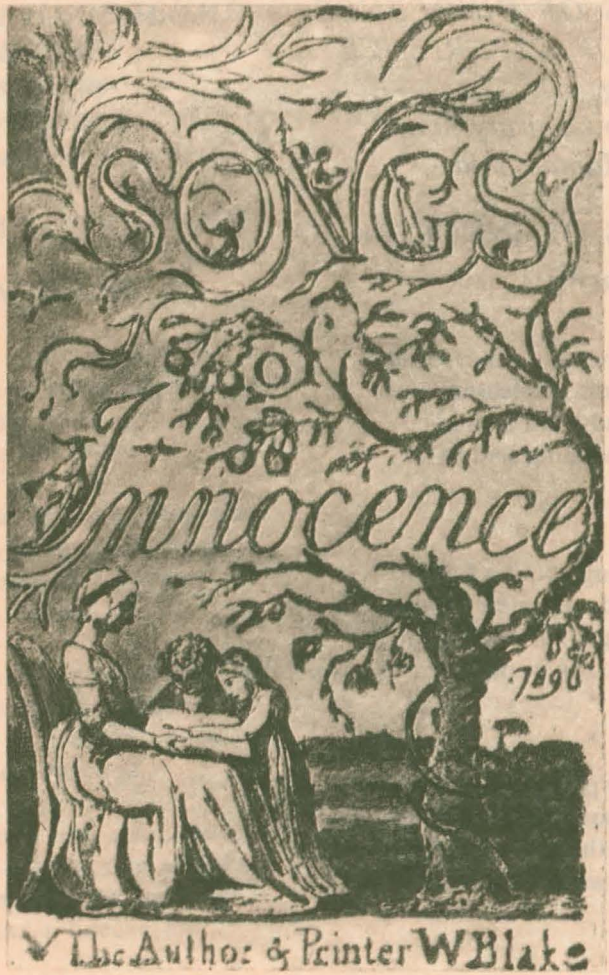
В оформлении книги использованы рисунки У. Блейка.

Б $\frac{60602-192}{014(01)-82}$ 879-81 4703000000


The Tyger
Tyger Tyger, burning bright,
In the forests of the night;
What immortal hand or eye,
Could frame thy fearful symmetry?
In what distant deeps or skies
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?
What the hand, dare seize the fire?
And what shoulder & what art,
Could twist the sinews of thy heart?
And when thy heart began to beat,
What dread hand? & what dread feet?
What the hammer? what the chain
In what furnace was thy brain?
What the anvil? what dread grasp,
Dare its deadly terrors clasp?
When the stars threw down their spears
And water'd heaven with their tears:
Did he smile his work to see?
Did he who made the Lamb make thee?
Tyger Tyger burning bright,
In the forests of the night;
What immortal hand or eye,
Dare frame thy fearful symmetry?


SONGS
Of
INNOCENCE
and Of
EXPERIENCE
Shewing the Two Contrary States
of the Human Soul


Infant Joy
I have no name
I am but two days old
What shall I call thee?
I happy am
Joy is my name
Sweet joy befall thee!
Pretty joy!
Sweet joy but two days old.
Sweet joy I call thee:
Thou dost smile
I sing the while
Sweet joy befall thee.


SONGS
of
Innocence
1789
The Autho: & Printer W Blake

SONGS OF INNOCENCE AND OF EXPERIENCE
Shewing the Two Contrary States of the Human Soul

SONGS OF INNOCENCE

13. INTRODUCTION

Piping down the valleys wild,
Piping songs of pleasant glee,
On a cloud I saw a child,
And he laughing said to me:

'Pipe a song about a Lamb!'
So I piped with merry cheer.
'Piper, pipe that song again;'
So I piped: he wept to hear.

'Drop thy pipe, thy happy pipe;
Sing thy songs of happy cheer:'
So I sang the same again,
While he wept with joy to hear.

'Piper, sit thee down and write
In a book, that all may read.'
So he vanish'd from my sight,
And I pluck'd a hollow reed,

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ, показывающие два противоположных состояния человеческой души

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ

13. ВСТУПЛЕНИЕ

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:

— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

— Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой!—
Молвил мальчик и поник
Белокурой головой.

— Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! —
Крикнул мальчик наконец
И растаял в блеске дня.

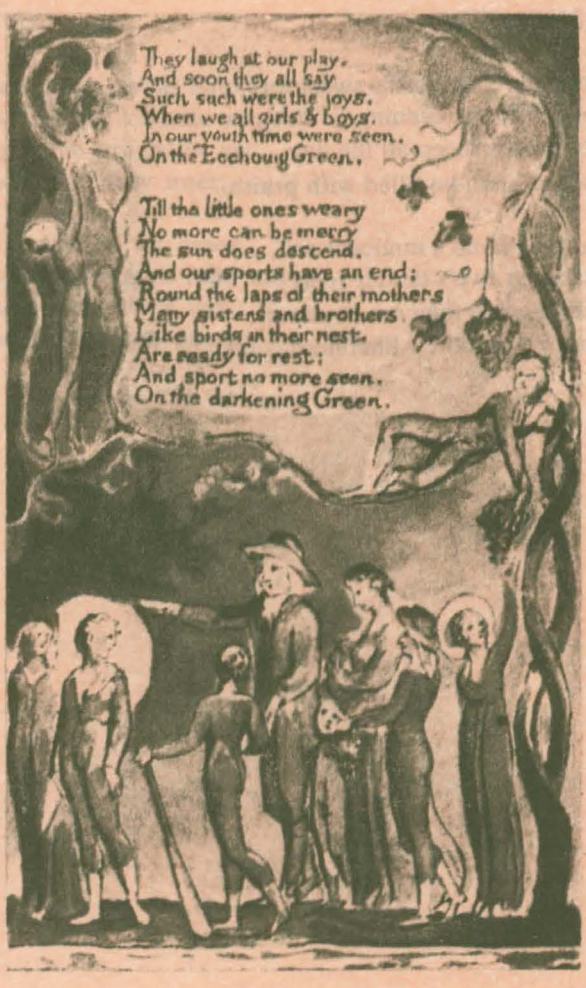
Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землею замутил.

And I made a rural pen,
And I stain'd the water clear,
And I wrote my happy songs
Every child may joy to hear.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

Перевод С. Я. Маршака

The Ecchoing Green
The Sun does arise,
And make happy the skies
The merry bells ring
To welcome the Spring
The sky-lark and thrush
The birds of the bush,
Sing louder around,
To the bells cheerful sound
While our sports shall be seen
On the Ecchoing Green.
Old John with white hair
Does laugh away care
Sitting under the oak
Among the old folk.


They laugh at our play,
And soon they all say
Such, such were the joys.
When we all girls & boys,
In our youth time were seen,
On the Eccho ing Green.
Till tha little ones weary
No more can be merry
The sun does descend,
And our sports have an end:
Round the laps of their mothers
Many sisters and brothers
Like birds in their nest,
Are ready for rest;
And sport no more seen,
On the darkening Green.

14. THE SHEPHERD

How sweet is the Shepherd's sweet lot!
From the morn to the evening he strays;
He shall follow his sheep all the day,
And his tongue shall be fillèd with praise.

For he hears the lamb's innocent call,
And he hears the ewe's tender reply;
He is watchful while they are in peace,
For they know when their Shepherd is nigh.

14. ПАСТУХ

Как завиден удел твой, пастух.
Ты встаешь, когда солнце встает,
Гонишь кроткое стадо на луг,
И свирель твоя славу поет.

Зов ягнят, матерей их ответ
Летним утром ласкают твой слух.
Стадо знает: опасности нет,
Ибо с ним его чуткий пастух.

Перевод С. Я. Маршака

15. THE ECHOING GREEN

The Sun does arise,
And make happy the skies;
The merry bells ring
To welcome the Spring;
The skylark and thrush,
The birds of the bush,
Sing louder around
To the bells' cheerful sound,
While our sports shall be seen
On the Echoing Green.

Old John, with white hair,
Does laugh away care,
Sitting under the oak,
Among the old folk.
They laugh at our play,
And soon they all say:
'Such, such were the joys
When we all, girls and boys,
In our youth time were seen
On the Echoing Green.'

Till the little ones, weary,
No more can be merry;
The sun does descend,
And our sports have an end.
Round the laps of their mothers
Many sisters and brothers,
Like birds in their nest,
Are ready for rest,
And sport no more seen
On the darkening Green.

15. ЗЕЛЕНОЕ АУ

Чу! солнце встает,
И чист небосвод.
Чу! колокола —
Весна к нам пришла.
Чу! стриж и снегирь,
Весенний псалтырь.
Чу! песни и звон
Друг дружке вдогон.
Раздвинем листву
С зеленым ау!

Вот гладкий пенек,
Сидит старичок.
Вот рядом другой.
Весенний покой.
Вот, глядя на нас,
Он начал рассказ:
«Вот так-то и мы
Плясали до тьмы.
Кидались в листву
С зеленым ау».

Но мальчик устал,
От старших отстал.
А из-за ветвей
Свет солнца слабей.
Эй, брат и сестра,
Домой вам пора!

Эй, крошка-птенец,
Усни наконец!
Покинем листву
С зеленым ау.

Перевод В. Л. Топорова

16. THE LAMB

Little Lamb, who made thee?
Dost thou know who made thee?
Gave thee life, and bid thee feed,
By the stream and o'er the mead;
Gave thee clothing of delight,
Softest clothing, woolly, bright,
Gave thee such a tender voice,
Making all the vales rejoice?
Little Lamb, who made thee?
Dost thou know who made thee?

Little Lamb, I'll tell thee,
Little Lamb, I'll tell thee:
He is callèd by thy name,
For He calls Himself a Lamb.
He is meek, and He is mild;
He became a little child.
I a child, and thou a lamb,
We are callèd by His name.
Little Lamb, God bless thee!
Little Lamb, God bless thee!

16. ЯГНЕНОК

Милый! чьей рукой
Сделан ты — такой?
Кто на свет тебя послал,
Кто траву тебе постлал,
Кто привел тебя к ручью,
Шерстку выдумал твою,
Блеять кто тебе велел
Так, чтоб всяк повеселел?
Милый! чьей рукой
Сделан ты — такой?

Слушай и внимай!
Слушай и внимай!
Твой создатель — тезка твой,
Ибо Агнец он Святой;
Кроток он и нежен он,
Он Дитятей наречен;
Ты ягненок, я дитя,
Он таков, как ты и я.
Твой Творец — Господь!
Твой Творец — Господь!

Перевод В. Л. Топорова

17. THE LITTLE BLACK BOY

My mother bore me in the southern wild,
And I am black, but O! my soul is white;
White as an angel is the English child,
But I am black, as if bereav'd of light.

My mother taught me underneath a tree,
And, sitting down before the heat of day,
She took me on her lap and kissèd me,
And, pointing to the east, began to say:

'Look on the rising sun,—there God does live,
And gives His light, and gives His heat away;
And flowers and trees and beasts and men receive
Comfort in morning, joy in the noonday.

'And we are put on earth a little space,
That we may learn to bear the beams of love;
And these black bodies and the sunburnt face
Is but a cloud, and like a shady grove.

'For when our souls have learn'd the heat to bear,
The cloud will vanish; we shall hear His voice,
Saying: "Come out from the grove, My love and care,
And round My golden tent like lambs rejoice." '

Thus did my mother say, and kissèd me;
And thus I say to little English boy.
When I from black and he from white cloud free,
And round the tent of God like lambs we joy,

I'll shade him from the heat, till he can bear
To lean in joy upon our Father's knee;
And then I'll stand and stroke his silver hair,
And be like him, and he will then love me.

17. НЕГРИТЕНОК

Там, где рожден я, — солнце и песок,
И черен я, одна душа бела.
Английский мальчик — белый ангелок,
А негритянский — черная смола.

Мать прятала меня в тени дерев
От зноя, наступающего днем,
И, к небу руку черную воздев,
С любовью говорила мне о нем:

— На небе солнце, а на солнце Бог,
Он дарит свет, он дарит свет и тень,
Чтоб каждый человек, зверек, листок
Хвалил рассвет и славил ясный день.

Лучи любви небесной горячи,
И жар любви мы вытерпеть должны;
Сгорели б мы, Господь не облачи
Нас в черные сплошные пелены.

Душа не знает этой черноты
И белоснежной выйдет из пелен,
Когда раздастся Голос с высоты
И призовет ягнят на небосклон.

Так мать мне говорила в той стране,
Так, белый мальчик, я скажу тебе:
— Ты в белой, сам я — в черной пелене,
Но нас, ягнят, зовет Господь к себе;

Я помогу тебе снести жару
На солнечной дороге в небеса,
И выйдем, братья, к божьему шатру,
И я твои поглажу волоса.

Перевод В. Л. Топорова

18. THE BLOSSOM

Merry, merry sparrow!
Under leaves so green,
A happy blossom
Sees you, swift as arrow,
Seek your cradle narrow
Near my bosom.

Pretty, pretty robin!
Under leaves so green,
A happy blossom
Hears you sobbing, sobbing,
Pretty, pretty robin,
Near my bosom.

18. ЦВЕТОК

Стриж! Цветы прозрели.
Видит нас цветок.
Так лети же
Ты, стрела без цели,
К тесной колыбели,
К сердцу ближе.

Милая касатка!
Слышит нас цветок.
Так лети же
Плакать сладко-сладко,
Милая касатка,
К сердцу ближе.

Перевод В. Б. Микушевича

19. THE CHIMNEY SWEEPER

When my mother died I was very young,
And my father sold me while yet my tongue
Could scarcely cry "weep! 'weep! 'weep!'
So your chimneys I sweep, and in soot I sleep.

There's little Tom Dacre, who cried when his head,
That curl'd like a lamb's back, was shav'd: so I said
'Hush, Tom! never mind it, for when your head's bare
You know that the soot cannot spoil your white hair.'

And so he was quiet, and that very night,
As Tom was a-sleeping, he had such a sight!—
That thousands of sweepers, Dick, Joe, Ned, and Jack,
Were all of them lock'd up in coffins of black.

And by came an Angel who had a bright key,
And he open'd the coffins and set them all free;
Then down a green plain leaping, laughing, they run,
And wash in a river, and shine in the sun.

Then naked and white, all their bags left behind,
They rise upon clouds and sport in the wind;
And the Angel told Tom, if he'd be a good boy,
He'd have God for his father, and never want joy.

And so Tom awoke; and we rose in the dark,
And got with our bags and our brushes to work.
Tho' the morning was cold, Tom was happy and warm;
So if all do their duty they need not fear harm.

19. МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Мать оставила рано меня сиротой,
А отец, удрученный своей нищетой,
Крошку-сына, который едва лепетал,
К трубочистам чумазым в ученье послал.

Не вылажу из сажи — уж так повелось.
Тома наголо брили. Орал он. «Да брось, —
Я сказал, — ты кудрявей ягненка, а тот
Никогда не пролез бы, как мы, в дымоход».

Перестал он, бедняга, кричать, да потом
Сон диковинно-странный увидел наш Том:
Будто тыщи чумазых — Дик, Джо, Нед и Джек —
В черный гроб заколочены кем-то навек.

Но приходит к ним ангел с волшебным ключом,
И выходят на волю Дик, Джо, Нед и Том,
Ну а там уж — и радость, и песни, и смех,
И весеннее солнце, и речка для всех.

Искупались, отмыли от сажи бока
И вбежали стремглав нагишом в облака.
Ангел Тому сказал: «Нужно быть молодцом,
И послушному сыну Бог будет отцом».

Тут — опять подниматься и копоть скрести,
И тяжелую сажу в ведерках нести.
Том — усердней других, хоть наказчик умолк.
Плакать нечего, коль выполняешь свой долг.

Перевод В. Л. Топорова

20. THE LITTLE BOY LOST

'Father! father! where are you going?
O do not walk so fast.
Speak, father, speak to your little boy,
Or else I shall be lost.'

The night was dark, no father was there;
The child was wet with dew;
The mire was deep, and the child did weep,
And away the vapour flew.

20. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Отец, отец! куда спешишь?
Помедленней иди.
Такая тишь, а ты молчишь,
И темень впереди!»

И точно: тьма со всех сторон,
Болотная роса.
Напрасно он взывал, смущен,
Лишь пар вокруг вился.

Перевод В. Л. Топорова

21. THE LITTLE BOY FOUND

The little boy lost in the lonely fen,
Led by the wand'ring light,
Began to cry; but God, ever nigh,
Appear'd like his father, in white.

He kissèd the child, and by the hand led,
And to his mother brought,
Who in sorrow pale, thro' the lonely dale,
Her little boy weeping sought.

21. МАЛЬЧИК НАЙДЕННЫЙ

В трясину мальчик угодил,
Кружа за светляком;
Он закричал — но тут предстал
Господь: родным отцом.

Найденыша он приласкал
И к матери отнес,
Блуждавшей с криком в лесу великом,
Охрипшей от долгих слез.

Перевод В. Л. Топорова

22. LAUGHING SONG

When the green woods laugh with the voice of joy,
And the dimpling stream runs laughing by;
When the air does laugh with our merry wit,
And the green hill laughs with the noise of it;

When the meadows laugh with lively green,
And the grasshopper laughs in the merry scene,
When Mary and Susan and Emily
With their sweet round mouths sing 'Ha, Ha, He!'

When the painted birds laugh in the shade,
Where our table with cherries and nuts is spread,
Come live, and be merry, and join with me,
To sing the sweet chorus of 'Ha, Ha, He!'

22. СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,

И смеется рожь и хмельной ячмень,
И кузнечик рад хохотать весь день,
И вдали звенит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха!» — звонкий смех девиц,

А в тени ветвей стол накрыт для всех,
И, смеясь, трещит меж зубов орех, —
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»

Перевод С. Я. Маршака

23. A CRADLE SONG

Sweet dreams, form a shade
O'er my lovely infant's head;
Sweet dreams of pleasant streams
By happy, silent, moony beams.

Sweet sleep, with soft down
Weave thy brows an infant crown.
Sweet sleep, Angel mild,
Hover o'er my happy child.

Sweet smiles, in the night
Hover over my delight;
Sweet smiles, mother's smiles,
All the livelong night beguiles.

Sweet moans, dovelike sighs,
Chase not slumber from thy eyes.
Sweet moans, sweeter smiles,
All the dovelike moans beguiles.

Sleep, sleep, happy child,
All creation slept and smil'd;
Sleep, sleep, happy sleep,
While o'er thee thy mother weep.

Sweet babe, in thy face
Holy image I can trace.
Sweet babe, once like thee,
Thy Maker lay and wept for me,

Wept for me, for thee, for all,
When He was an infant small.

23. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Сладость снов, сойди, как тень,
Сон, дитя мое одень.
Сны, сойдите, как ручей
Лунных ласковых лучей.

Сладкий сон, как нежный пух,
Убаюкай детский слух.
Ангел кроткий, сладкий сон,
Обступи со всех сторон.

Смех, сверкай во тьме ночей
Над отрадою моей.
Будь с ним лучшей из утех,
Материнский нежный смех.

Каждой жалобе шепни:
«Задремли и отдохни».
Каждой жалобе скажи:
«Крылья легкие сложи».

Спи, дитя, счастливым сном,
Целый мир уснул кругом.
Спи же, спи, родимый мой,
Я поплачу над тобой.

Предо мной священный лик
На твоем лице возник,
Твой Создатель здесь, во сне,
Горько плакал обо мне.

Как невинное дитя,
Плакал, глазками блестя,

Thou His image ever see,
Heavenly face that smiles on thee,

Smiles on thee, on me, on all;
Who became an infant small.
Infant smiles are His own smiles;
Heaven and earth to peace beguiles.

О тебе и обо всех,
И слезами смыл наш грех.

И теперь глядит, любя,
Он с улыбкой на тебя,
В снах ребенка спит он сам.
Мир земле и небесам.

Перевод К. Д. Бальмонта

24. THE DIVINE IMAGE

To Mercy, Pity, Peace, and Love
All pray in their distress;
And to these virtues of delight
Return their thankfulness.

For Mercy, Pity, Peace, and Love
Is God, our Father dear,
And Mercy, Pity, Peace, and Love
Is man, His child and care.

For Mercy has a human heart,
Pity a human face,
And Love, the human form divine,
And Peace, the human dress.

Then every man, of every clime,
That prays in his distress,
Prays to the human form divine,
Love, Mercy, Pity, Peace.

And all must love the human form,
In heathen, Turk, or Jew;
Where Mercy, Love, and Pity dwell
There God is dwelling too.

24. ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

Добро, Смиренье, Мир, Любовь —
Вот перечень щедрот,
Которых каждый человек,
Моля и плача, ждет.

Добро, Смиренье, Мир, Любовь
Познал в себе Творец,
Добро, Смиренье, Мир, Любовь
Вложил в детей Отец.

И наше сердце у Добра,
И наш — Смиренья взгляд,
И в нашем образе — Любовь,
Мир — наш нательный плат.

Любой из нас, в любой стране,
Зовет, явясь на свет,
Добро, Смиренье, Мир, Любовь —
Иной молитвы нет.

И нехристь — тоже человек,
И в том любви залог:
Где Мир, Смиренье и Любовь, —
Там, ведомо, сам Бог.

Перевод В. Л. Топорова

25. HOLY THURSDAY

'Twas on a Holy Thursday, their innocent faces clean,
The children walking two and two, in red and blue and green,
Grey-headed beadles walk'd before, with wands as white as snow,
Till into the high dome of Paul's they like Thames' waters flow.

O what a multitude they seem'd, these flowers of London town!
Seated in companies they sit with radiance all their own.
The hum of multitudes was there, but multitudes of lambs,
Thousands of little boys and girls raising their innocent hands.

Now like a mighty wind they raise to Heaven the voice of song,
Or like harmonious thunderings the seats of Heaven among.
Beneath them sit the agèd men, wise guardians of the poor;
Then cherish pity, lest you drive an angel from your door.

25. СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Они проходят по два в ряд — сама Невинность с ними!
Они идут, лаская взгляд одежками цветными.
Седые старцы впереди, чья кожа — жестче пемзы.
Толпа вливается в собор, как будто воды Темзы.

Какие россыпи цветов — зеленый, синий, красный!
Откуда в Англии они — в туманной и ненастной?
Услышишь: галками галдят, присмотришься: ягнята;
Обряд свершается святой, и сами дети святы.

Вот вихрем пенье поднялось и в небо полетело.
Гром чистогласный огласил церковные приделы.
И старцы, мудры и щедры, душой взмывают к богу.
Даянье — благо; не гони просителя с порога.

Перевод В. Л. Топорова

26. NIGHT

The sun descending in the west,
The evening star does shine;
The birds are silent in their nest,
And I must seek for mine.
The moon, like a flower,
In heaven's high bower,
With silent delight
Sits and smiles on the night.

Farewell, green fields and happy groves,
Where flocks have took delight.
Where lambs have nibbled, silent moves
The feet of angels bright;
Unseen they pour blessing,
And joy without ceasing,
On each bud and blossom,
And each sleeping bosom.

They look in every thoughtless nest,
Where birds are cover'd warm;
They visit caves of every beast,
To keep them all from harm.
If they see any weeping
That should have been sleeping,
They pour sleep on their head,
And sit down by their bed.

When wolves and tigers howl for prey,
They pitying stand and weep;
Seeking to drive their thirst away,
And keep them from the sheep.
But if they rush dreadful,
The angels, most heedful,

26. НОЧЬ

Заходит солнце, и звезда
Сияет в вышине.
Не слышно песен из гнезда.
Пора уснуть и мне.
Луна цветком чудесным
В своем саду небесном
Глядит на мир, одетый в тьму,
И улыбается ему.

Прощайте, рощи и поля,
Невинных стад приют.
Сейчас, травы не шевеля,
Там ангелы идут
И льют благословенье
На каждое растенье,
На почку, спящую пока,
И чашу каждого цветка.

Они хранят покой гнезда,
Где спят птенцы весной,
И охраняют от вреда
Зверей в глуши лесной.
И если по дороге
Услышат шум тревоги,
Печальный вздох иль тяжкий стон,
Они несут страдальцам сон.

А если волк иль мощный лев
Встречается в пути,
Они спешат унять их гнев
Иль жертву их спасти.
Но если зверь к мольбам их глух,
Невинной жертвы кроткий дух

Receive each mild spirit,
New worlds to inherit.

And there the lion's ruddy eyes
Shall flow with tears of gold,
And pitying the tender cries,
And walking round the fold,
Saying 'Wrath, by His meekness,
And, by His health, sickness
Is driven away
From our immortal day.

'And now beside thee, bleating lamb,
I can lie down and sleep;
Or think on Him who bore thy name,
Graze after thee and weep.
For, wash'd in life's river
My bright mane for ever
Shall shine like the gold
As I guard o'er the fold.'

Уносят ангелы с собой
В другое время, в мир другой.

И там из красных львиных глаз
Прольются капли слез,
И будет охранять он вас,
Стада овец и коз,
И скажет: «Гнев — любовью,
А немощи — здоровьем
Рассеяны, как тень,
В бессмертный этот день.

Теперь, ягненок, я могу
С тобою рядом лечь,
Пастись с тобою на лугу
И твой покой беречь.
Живой водой омылся я,
И грива пышная моя,
Что всем живым внушала страх,
Сияет золотом в лучах».

Перевод С. Я. Маршака

27. SPRING

Sound the flute!
Now it's mute.
Birds delight
Day and night;
Nightingale
In the dale,
Lark in sky,
Merrily,
Merrily, merrily, to welcome in the year.

Little boy,
Full of joy;
Little girl,
Sweet and small;
Cock does crow,
So do you;
Merry voice,
Infant noise,
Merrily, merrily, to welcome in the year.

Little lamb,
Here I am;
Come and lick
My white neck;
Let me pull
Your soft wool;
Let me kiss
Your soft face:
Merrily, merrily, we welcome in the year.

27. ВЕСНА

Чу, свирель!
Смолкла трель...
Соловей —
Меж ветвей.
Жаворонок в небе.
Всюду птичий щебет.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Рады все на свете.
Радуются дети.
Петух — на насесте.
С ним поем мы вместе.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Милый мой ягненок,
Голосок твой тонок.
Ты ко мне, дружок, прильни,
Язычком меня лизни.
Дай погладить, потрепать
Шерстки шелковую прядь.
Дай-ка поцелую
Мордочку смешную.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Перевод С. Я. Маршака

28. NURSE'S SONG

When the voices of children are heard on the green,
And laughing is heard on the hill,
My heart is at rest within my breast,
And everything else is still.

'Then come home, my children, the sun is gone down,
And the dews of night arise;
Come, come, leave off play, and let us away
Till the morning appears in the skies.'

'No, no, let us play, for it is yet day,
And we cannot go to sleep;
Besides, in the sky the little birds fly,
And the hills are all cover'd with sheep.'

'Well, well, go and play till the light fades away,
And then go home to bed.'
The little ones leapèd and shoutèd and laugh'ed
And all the hills echoèd.

28. НЯНЮШКИНА ПЕСНЯ

Когда детвора резвится с утра,
На холмы поднимаясь бегом,
Спокойно мне в моей тишине,
И все спокойно кругом.

«Домой, детвора, теперь нам пора.
На закате роса холодна.
Пора, детвора! Домой до утра!
Гулять нам нельзя дотемна».

«Нет, еще не пора! И в разгаре игра,
И солнце еще не зашло.
В небе множество птах, и стада на холмах.
И по-прежнему в мире светло!»

«Хорошо, детвора, правда, спать вам пора,
Не померк еще радостный свет!»
От холма до холма крики, смех, кутерьма,
Так что эхо смеется в ответ.

Перевод В. Б. Микушевича

29. INFANT JOY

'I have no name:
I am but two days old.'
What shall I call thee?
'I happy am,
Joy is my name.'
Sweet joy befall thee!

Pretty Joy!
Sweet Joy, but two days old.
Sweet Joy I call thee
Thou dost smile,
I sing the while,
Sweet joy befall thee!

29. ДИТЯ-РАДОСТЬ

— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.
— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней, —
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

Перевод С. Я. Маршака

30. A DREAM

Once a dream did weave a shade
O'er my Angel-guarded bed,
That an emmet lost its way
Where on grass methought I lay.

Troubled, 'wilder'd, and forlorn,
Dark, benighted, travel-worn,
Over many a tangled spray,
All heart-broke I heard her say:

'O, my children! do they cry?
Do they hear their father sigh?
Now they look abroad to see:
Now return and weep for me.'

Pitying, I dropp'd a tear;
But I saw a glow-worm near,
Who replied: 'What wailing wight
Calls the watchman of the night?

'I am set to light the ground,
While the beetle goes his round:
Follow now the beetle's hum;
Little wanderer, hie thee home.'

30. СОН

В изголовье Ангел встал,
А во сне я увидал,
Что лежу на травке я
И гляжу на муравья.

А несчастный муравей,
Как в лесу, бредет в траве,
Жалок, мал и одинок.
Вот что, плача, он изрек:

«Дети! ищете ль отца,
Окликая без конца?
Ах! оставьте поиск свой.
Сироты, пора домой!..»

Я заплакал: вот бедняк.
Вдруг, смотрю, спешит светляк,
Молвя: «Хватит! это мы!
Кто тревожит Стража тьмы?

Я Светляк, со мною Жук,
Я есмь свет, а он есть звук,
Поспеши на звук и свет —
Охраним тебя от бед!»

Перевод В. Л. Топорова

31. ON ANOTHER'S SORROW

Can I see another's woe,
And not be in sorrow too?
Can I see another's grief,
And not seek for kind relief?

Can I see a falling tear,
And not feel my sorrow's share?
Can a father see his child
Weep, nor be with sorrow fill'd?

Can a mother sit and hear
An infant groan, an infant fear?
No, no! never can it be!
Never, never can it be!

And can He who smiles on all
Hear the wren with sorrows small,
Hear the small bird's grief and care,
Hear the woes that infants bear,

And not sit beside the nest,
Pouring pity in their breast;
And not sit the cradle near,
Weeping tear on infant's tear;

And not sit both night and day,
Wiping all our tears away?
O, no! never can it be!
Never, never can it be!

He doth give His joy to all;
He becomes an infant small;
He becomes a man of woe;
He doth feel the sorrow too.

31. О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Разве ближних вам не жаль,
Если их гнетет печаль?
Зная ближнего мученья,
Кто не ищет облегченья?

Можно ль, видя слез ручьи,
Не прибавить к ним свои?
И кого из вас не тронет,
Если сын ваш тяжко стонет?

И какая может мать
Вместе с крошкой не страдать?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Как же тот, кто всем отец,
Видит скорбь твою, птенец?
Как всевидящий и чуткий
Может слышать стон малютки

И не быть вблизи гнезда,
Где тревога и нужда,
И не быть у той кроватки,
Где ребенок в лихорадке?

Не сидеть с ним день и ночь.
Не давая изнемочь?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Он дает отраду нам,
Он младенцем был и сам,
Сам изведал он печаль,
И ему страдальцев жаль.

Think not thou canst sigh a sigh,
And thy Maker is not by;
Think not thou canst weep a tear,
And thy Maker is not near.

O! He gives to us His joy
That our grief He may destroy;
Till our grief is fled and gone
He doth sit by us and moan.

Разве слабый детский стон
С высоты не слышит он?
Разве каждый вздох людской
Не встречает он с тоской?

Он стремится нам помочь.
Наши скорби гонит прочь,
А пока их не прогонит,
Он и сам от скорби стонет.

Перевод С. Я. Маршака

THE FLY.
Little Fly
Thy summers play,
My thoughtless hand
Has brushd away.
Am not I
A fly like thee?
Or art not thou
A man like me?
For I dance
And drink & sing;
Till some blind hand
Shall brush my wing.
If thought is life
And strength & breath
And the want
Of thought is death;
Then am I
A happy fly.
If I live,
Or if I die.

SONGS
of
EXPERIENCE
The Author & Printer W Blake

SONGS OF EXPERIENCE

32. INTRODUCTION

Hear the voice of the Bard!
Who present, past, and future, sees;
Whose ears have heard
The Holy Word
That walk'd among the ancient trees,

Calling the lapsèd soul,
And weeping in the evening dew;
That might control
The starry pole,
And fallen, fallen light renew!

'O Earth, O Earth, return!
Arise from out the dewy grass;
Night is worn,
And the morn
Rises from the slumberous mass.

'Turn away no more;
Why wilt thou turn away.
The starry floor,
The wat'ry shore,
Is giv'n thee till the break of day.'

ПЕСНИ ПОЗНАНИЯ

32. ВСТУПЛЕНИЕ

Слушайте голос Певца!
Песня его разбудит
Ваши сердца
Словом Творца —
Слово было, и есть, и будет.

Заблудшие души Оно зовет,
Вопия над росой вечерней,
А черн небосвод —
Вновь звезды зажжет,
Мир вырвет из тьмы дочерней!

«Вернись, о Земля Светла,
Мрак отряхая росный!
Ночь дряхла,
Рассветная мгла
Брезжит в трясине косной.

Не исчезай никогда!
Что тебе здесь неймется?
В небе звезда,
В море вода —
Мало ль чего найдется».

Перевод В. Л. Топорова

33. EARTH'S ANSWER

Earth rais'd up her head
From the darkness dread and drear.
Her light fled,
Stony dread!
And her locks cover'd with grey despair.

'Prison'd on wat'ry shore,
Starry Jealousy does keep my den:
Cold and hoar,
Weeping o'er,
I hear the Father of the Ancient Men.

'Selfish Father of Men!
Cruel, jealous, selfish Fear!
Can delight,
Chain'd in night,
The virgins of youth and morning bear?

'Does spring hide its joy
When buds and blossoms grow?
Does the sower
Sow by night,
Or the ploughman in darkness plough?

'Break this heavy chain
That does freeze my bones around.
Selfish! vain!
Eternal bane!
That free Love with bondage bound.'

33. ОТВЕТ ЗЕМЛИ

Но тяжело во мрак
Смотрит Земля слепая
Свет иссяк!
Камень и прах!
В горе склонилась глава седая.

«Море меня сдавило.
Зависть звезд извела,
Как могила,
Мне тело изрыла
Ярость Отца Мирового Зла.

Низкий себялюбец Творец!
Злобный завистник Страх!
Утру обещанная,
Обесчещена,
Стонет на дыбе Невинность в цепях!

Вешнему ветру нельзя не веять,
Почкам — не набухать.
Может ли сеятель
Ночью сеять,
Пахарь — во тьме пахать?

Холод звездных оков ледяной
Кости мои пронзил.
Страшный! злой!
Любуясь собой,
Радость и рабство ты слил».

Перевод В. Л. Топорова

34. THE CLOD AND THE PEBBLE

'Love seeketh not itself to please,
Nor for itself hath any care,
But for another gives its ease,
And builds a Heaven in Hell's despair.'

So sung a little Clod of Clay,
Trodden with the cattle's feet,
But a Pebble of the brook
Warbled out these metres meet:

'Love seeketh only Self to please,
To bind another to its delight,
Joys in another's loss of ease,
And builds a Hell in Heaven's despite.'

34. КОМ ЗЕМЛИ И КАМЕНЬ

— Не себялюбица Любовь:
Готова претерпеть беду,
Пролить слезу, порою кровь...
С любовью счастье — и в аду! —

Так пел беспечный Ком Земли.
Вдруг — Лошадь. И копытом — трах!
И Камень, притаясь в пыли,
Передразнил в таких стихах:

— Нет, себялюбица Любовь:
Готовит всем беду свою —
Те слезы льют, порою — кровь:
С любовью — горе и в раю!

Перевод В. Л. Топорова

35. HOLY THURSDAY

Is this a holy thing to see
In a rich and fruitful land,
Babes reduc'd to misery,
Fed with cold and usurious hand?

Is that trembling cry a song?
Can it be a song of joy?
And so many children poor?
It is a land of poverty!

And their sun does never shine,
And their fields are bleak and bare,
And their ways are fill'd with thorns:
It is eternal winter there.

For where'er the sun does shine,
And where'er the rain does fall,
Babe can never hunger there,
Nor poverty the mind appal.

35. СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Святость — это не про вас.
Ваша милостыня — срам.
Взгляд голодных детских глаз
Приговор выносит вам.

Или плач звенит, как песнь?
Или плачут не всерьез?
Или бедность, как болезнь, —
Проходящая от слез?

Что за нищая страна!
Круглый год стоит зима,
Целый день — ночная тьма,
Нива тощая черна.

Ибо солнцем и дождем
Тот лишь край одарен, где
Детям голод незнаком
И — нет ну́жды в низкой мзде.

Перевод В. Л. Топорова

36. THE LITTLE GIRL LOST

In futurity
I prophetic see
That the earth from sleep
(Grave the sentence deep)

Shall arise and seek
For her Maker meek;
And the desert wild
Become a garden mild.

In the southern clime,
Where the summer's prime
Never fades away,
Lovely Lyca lay.

Seven summers old
Lovely Lyca told;
She had wander'd long
Hearing wild birds' song.

'Sweet sleep, come to me
Underneath this tree.
Do father, mother, weep?
Where can Lyca sleep?

'Lost in desert wild
Is your little child.
How can Lyca sleep
If her mother weep?

'If her heart does ache
Then let Lyca wake;
If my mother sleep,
Lyca shall not weep.

36. ЗАБЛУДШАЯ ДОЧЬ

Днесь провижу я:
Сон стряхнет земля
(В глубине души
Это запиши),

Чтобы наконец
Найден был Творец
И в пустыне сад
После всех утрат.

В дальней той стране,
Где нет конца весне,
Девочка лежит
Лет семи на вид.

Лика долго шла.
Птицам нет числа.
Голоса в глуши
Дивно хороши.

«Слышу в тишине:
Плачут обо мне
И отец и мать.
Как мне задремать?

Наступила ночь.
В пустыне ваша дочь.
Разве можно спать,
Если плачет мать?

Лике не до сна,
Если мать грустна.
Если дремлет мать,
Можно мне поспать.

'Frowning, frowning night,
O'er this desert bright,
Let thy moon arise
While I close my eyes.'

Sleeping Lyca lay
While the beasts of prey,
Come from caverns deep,
View'd the maid asleep.

The kingly lion stood,
And the virgin view'd,
Then he gamboll'd round
O'er the hallow'd ground.

Leopards, tigers, play
Round her as she lay,
While the lion old
Bow'd his mane of gold

And her bosom lick,
And upon her neck
From his eyes of flame
Ruby tears there came;

While the lioness
Loos'd her slender dress,
And naked they convey'd
To caves the sleeping maid.

Сумрачная ночь!
Лике спать невмочь.
Глядя на луну,
Я глаза сомкну».

К ней приходит сон,
И со всех сторон
Собралось над ней
Множество зверей.

Старый пляшет лев,
Лику разглядев,
Лес ликует весь:
Место свято здесь.

И вокруг нее
Кроткое зверье,
Так что лев-старик
Перед ней поник.

Он лизал ее,
Он лобзал ее.
Алая слеза
Зверю жжет глаза.

В умиленье лев.
Девочку раздев,
Львица в темный грот
Спящую берет.

Перевод В. Б. Микушевича

37. THE LITTLE GIRL FOUND

All the night in woe
Lyca's parents go
Over valleys deep,
While the deserts weep.

Tired and woe-begone,
Hoarse with making moan,
Arm in arm seven days
They trac'd the desert ways.

Seven nights they sleep
Among shadows deep,
And dream they see their child
Starv'd in desert wild.

Pale, thro' pathless ways
The fancied image strays
Famish'd, weeping, weak,
With hollow piteous shriek.

Rising from unrest,
The trembling woman prest
With feet of weary woe:
She could no further go.

In his arms he bore
Her, arm'd with sorrow sore;
Till before their way
A couching lion lay.

Turning back was vain:
Soon his heavy mane
Bore them to the ground.
Then he stalk'd around,

37. ОБРЕТЕННАЯ ДОЧЬ

И отец и мать
Вышли дочь искать.
В долах ни души.
Рыдания в глуши.

Ищут наугад,
Плачут и кричат.
Семь печальных дней
Они в разлуке с ней.

Семь ночей подряд
Во тьме пустынной спят.
В тех местах глухих
Сон морочит их.

Будто слабый крик
В душу к ним проник.
Лика голодна,
Измучена, бледна.

Истомилась мать
И не в силах встать.
Муж помог жене
В безлюдной той стране.

Немощную нес,
Ослабев от слез,
Шел едва-едва.
Вдруг он видит льва.

Гривой лев трясет.
Слабых кто спасет?
Перед грозным львом
Падают ничком.

Smelling to his prey;
But their fears allay
When he licks their hands,
And silent by them stands.

They look upon his eyes
Fill'd with deep surprise;
And wondering behold
A spirit arm'd in gold.

On his head a crown;
On his shoulders down
Flow'd his golden hair.
Gone was all their care.

'Follow me,' he said;
'Weep not for the maid;
In my palace deep
Lyca lies asleep.'

Then they followèd
Where the vision led,
And saw their sleeping child
Among tigers wild.

To this day they dwell
In a lonely dell;
Nor fear the wolfish howl
Nor the lions' growl.

Зверь обнюхал их
И, вздохнув, притих.
Нет, не растерзал, —
Руки облизал.

Подняли глаза.
Минула гроза.
Дух глазам предстал,
Золотом блистал.

В золотой броне,
Словно весь в огне.
Волосы до плеч.
Царственная речь:

— Следуйте за мной
В мой чертог земной.
Лика ваша в нем
Спит глубоким сном.

В заповедный грот
Видение ведет.
Спать среди зверей
Девочке теплей.

Там живут они
До сих пор одни,
Не страшась волков
И свирепых львов.

Перевод В. Б. Микушевича

38. THE CHIMNEY SWEEPER

A little black thing among the snow,
Crying ' 'weep! 'weep!' in notes of woe!
'Where are thy father and mother, say?'—
'They are both gone up to the Church to pray.

'Because I was happy upon the heath,
And smil'd among the winter's snow,
They clothèd me in the clothes of death,
And taught me to sing the notes of woe.

'And because I am happy and dance and sing,
They think they have done me no injury,
And are gone to praise God and His Priest and King,
Who make up a Heaven of our misery.'

38. МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Малыш чумазый, — в метель, в мороз, —
На гребне крыши ослеп от слез.
— Куда ушли вы, отец и мать?
— Молиться богу, спасенья ждать.

— Не унывал я июльским днем,
Не горевал я в метель, в мороз.
Мне сшили саван вы, мать с отцом,
На гребне крыши, в юдоли слез.

Не унываю — пляшу, пою, —
А вы и рады: работа впрок.
Весь день на небе — да не в раю.
В раю — священник, король и бог.

Перевод В. Л. Топорова

39. NURSE'S SONG

When the voices of children are heard on the green
And whisp'rings are in the dale,
The days of my youth rise fresh in my mind,
My face turns green and pale.

Then come home, my children, the sun is gone down,
And the dews of night arise;
Your spring and your day are wasted in play,
And your winter and night in disguise.

39. НЯНЮШКИНА ПЕСНЯ

Когда детвора резвится с утра
И слышится шепот в тени,
Как больно мне вспоминать в тишине
Мои минувшие дни!

Пора возвращаться домой, детвора!
На закате роса холодна.
Затянулась игра, и узнать вам пора,
Как зима ледяная темна.

Перевод В. Б. Микушевича

40. THE SICK ROSE

O Rose, thou art sick!
The invisible worm,
That flies in the night,
In the howling storm,

Has found out thy bed
Of crimson joy;
And his dark secret love
Does thy life destroy.

40. БОЛЬНАЯ РОЗА

О роза, ты больна!
Во мраке ночи бурной
Разведал червь тайник
Любви твоей пурпурной.

И он туда проник,
Незримый, ненасытный,
И жизнь твою сгубил
Своей любовью скрытной.

Перевод В. А. Потаповой

41. THE FLY

Little Fly,
Thy summer's play
My thoughtless hand
Has brush'd away.

Am not I
A fly like thee?
Or art not thou
A man like me?

For I dance,
And drink, and sing,
Till some blind hand
Shall brush my wing.

If thought is life
And strength and breath,
And the want
Of thought is death;

Then am I
A happy fly,
If I live
Or if I die.

41. МОТЫЛЕК

Жаль мотылька!
Моя рука
Нашла его
В раю цветка.

Мой краток век.
Твой краток срок.
Ты человек.
Я мотылек.

Порхаю, зная:
Сгребет, сметет
Рука слепая
И мой полет.

Но если мыслить
И значит — быть,
А кончив мыслить,
Кончаем жить, —

То жить желаю
Мой краткий срок, —
Весь век порхая, —
Как мотылек.

Перевод В. Л. Топорова

42. THE ANGEL

I dreamt a dream! what can it mean?
And that I was a maiden Queen,
Guarded by an Angel mild:
Witless woe was ne'er beguil'd!

And I wept both night and day,
And he wip'd my tears away,
And I wept both day and night,
And hid from him my heart's delight.

So he took his wings and fled;
Then the morn blush'd rosy red;
I dried my tears, and arm'd my fears
With ten thousand shields and spears.

Soon my Angel came again:
I was arm'd, he came in vain;
For the time of youth was fled,
And grey hairs were on my head.

42. АНГЕЛ

Мне снился сон — престранный сон!
Безмужней я взошла на трон,
Лишь кроткий ангел был со мной —
Беспомощный заступник мой.

И день и ночь мой крик звучал,
А он мне слезы утирал;
О чем — и ночь и день — мой крик,
Я скрыла, ангел не постиг.

Он улетел в рассветный час,
И тыщи копий и кирас
Я верным срахам раздала,
А плакать — больше не могла.

Вернулся вскоре ангел мой —
Страх не пускает в мой покой, —
И не увидит никогда,
Что голова моя седа.

Перевод В. Л. Топорова

43. THE TYGER

Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye
Could frame thy fearful symmetry?

In what distant deeps or skies
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?
What the hand dare seize the fire?

And what shoulder, and what art,
Could twist the sinews of thy heart?
And when thy heart began to beat,
What dread hand? and what dread feet?

What the hammer? what the chain?
In what furnace was thy brain?
What the anvil? what dread grasp
Dare its deadly terrors clasp?

When the stars threw down their spears,
And water'd heaven with their tears,
Did he smile his work to see?
Did he who made the Lamb make thee?

Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye,
Dare frame thy fearful symmetry?

43. ТИГР

Тигр, о тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Устрашительная стать,
Кто посмел тебя создать?

В преисподней иль в эдеме
Некто в царской диадеме
Огнь в очах твоих зажег?
Как он вытерпел ожог?

Кто качнул рукою властной
Сердца маятник ужасный
И, услышав грозный стук,
Не убрал смятенных рук?

Кто хребет крепил и прочил?
В кузне кто тебя ворочал?
В чьих клещах твой мозг пылал?
Чьею злобой закипал?

А когда ты в ночь умчался,
Неужели улыбался
Твой создатель — возлюбя
И ягненка, и — тебя?

Тигр, о тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Устрашительная стать, —
Кто велел тебе восстать?

Перевод В. Л. Топорова

44. MY PRETTY ROSE-TREE

A flower was offer'd to me,
Such a flower as May never bore;
But I said 'I've a pretty Rose-tree,'
And I passèd the sweet flower o'er.

Then I went to my pretty Rose-tree,
To tend her by day and by night,
But my Rose turn'd away with jealousy,
And her thorns were my only delight.

44. МОЙ РОЗОВЫЙ КУСТ

Я увидел цветок. Он, маня,
Как в невиданном мае, расцвел.
«Есть розовый куст у меня», —
Я подумал и мимо прошел.

День и ночь, не ведая сна,
Я лелеял бы розу мою.
Но ревниво замкнулась она —
Лишь колючки ее познаю.

Перевод В. Л. Топорова

* * *

45. Ah, Sun-flower! weary of time,
Who countest the steps of the sun;
Seeking after that sweet golden clime,
Where the traveller's journey is done;

Where the Youth pined away with desire,
And the pale Virgin shrouded in snow,
Arise from their graves, and aspire
Where my Sun-flower wishes to go.

* * *

45. Ах! подсолнух! что за жребий —
Мерить солнца шаг дневной
И грустить о знойном небе
Над блаженною страной,

Где, бежав от льда и злобы,
Отрок с девою, чисты,
Зрят, пустые кинув гробы,
Край, которым бредишь ты.

Перевод В. Л. Топорова

46. THE LILY

The modest Rose puts forth a thorn,
The humble Sheep a threat'ning horn;
While the Lily white shall in love delight,
Nor a thorn, nor a threat, stain her beauty bright.

46. ЛИЛЕЯ

Тернием колет Роза, строга.
Овечка, грозя, подымает рога.
А Лилея, бела, для любви расцвела,
Не угрозой, не терньем — красотою взяла.

Перевод А. В. Парина

47. THE GARDEN OF LOVE

I went to the Garden of Love,
And saw what I never had seen:
A Chapel was built in the midst,
Where I used to play on the green.

And the gates of this Chapel were shut,
And 'Thou shalt not' writ over the door;
So I turn'd to the Garden of Love
That so many sweet flowers bore;

And I saw it was fillèd with graves,
And tomb-stones where flowers should be;
And priests in black gowns were walking their rounds,
And binding with briars my joys and desires.

47. САД ЛЮБВИ

Я отправился в Сад Любви.
Я и раньше бывал там не раз.
Но, придя, я его не узнал:
Там часовня стояла сейчас.

Дверь в часовню была заперта.
«Бог накажет» — прочел я над ней.
Я прочел, оглянулся вокруг:
Не узнал ни дерев, ни аллей.

Там, где было просторно цветам,
Тесно жались могилы теперь,
И священники в черном шли шагом дозорным
И путы печали на любовь налагали.

Перевод В. Л. Топорова

48. THE LITTLE VAGABOND

Dear mother, dear mother, the Church is cold,
But the Ale-house is healthy and pleasant and warm;
Besides I can tell where I am used well,
Such usage in Heaven will never do well.

But if at the Church they would give us some ale,
And a pleasant fire our souls to regale,
We'd sing and we'd pray all the livelong day,
Nor ever once wish from the Church to stray.

Then the Parson might preach, and drink, and sing,
And we'd be as happy as birds in the spring;
And modest Dame Lurch, who is always at church,
Would not have bandy children, nor fasting, nor birch.

And God, like a father, rejoicing to see
His children as pleasant and happy as He,
Would have no more quarrel with the Devil or the barrel,
But kiss him, and give him both drink and apparel.

48. МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

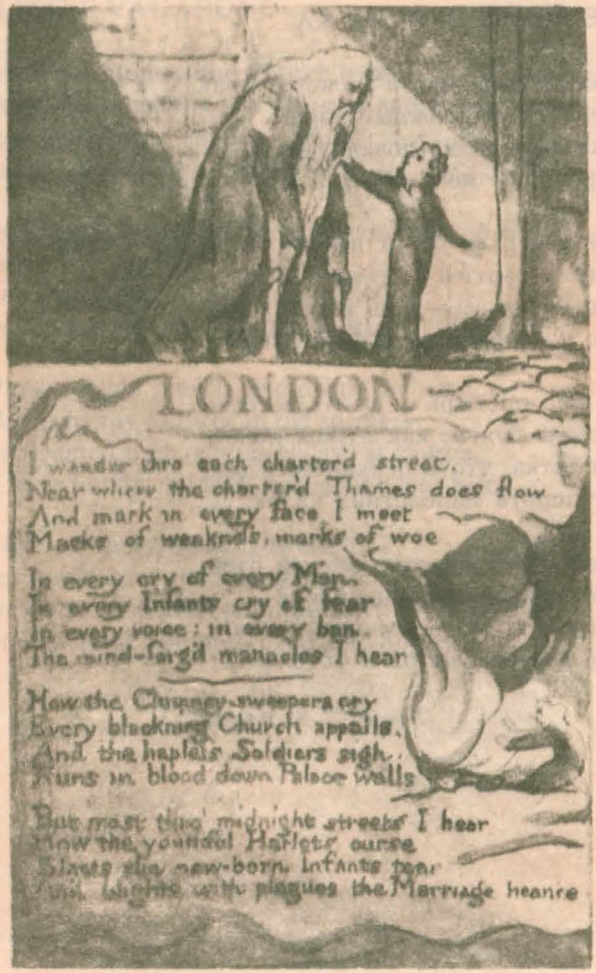
Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому бродяжке не место в раю.

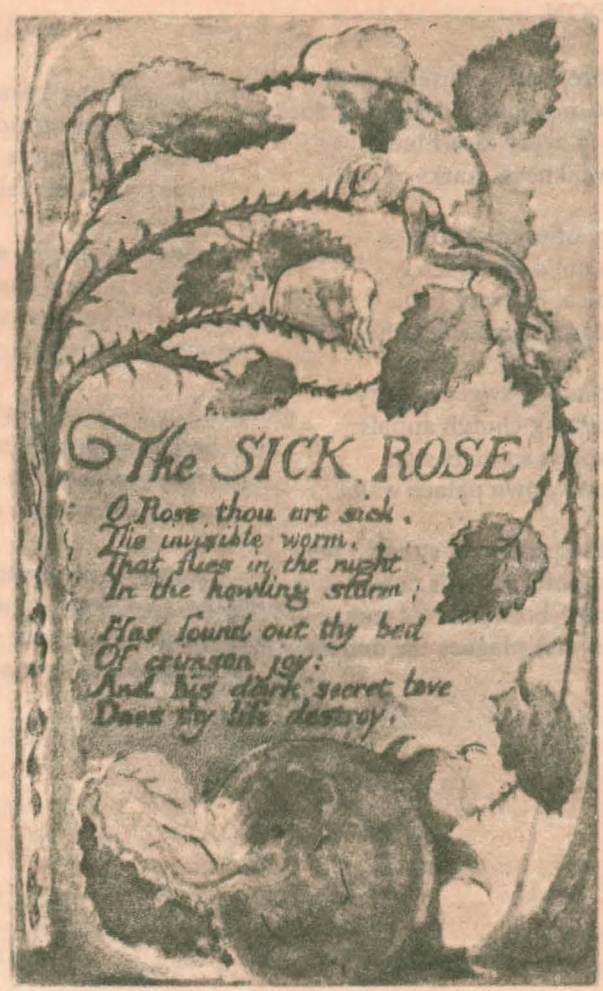
Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.

И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.

Перевод С. Я. Маршака


LONDON
I wander thro each charter'd street,
Near where the charter'd Thames does flow
And mark in every face I meet
Marks of weakness, marks of woe
In every cry of every Man,
In every Infants cry of fear,
In every voice; in every ban,
The mind-forg'd manacles I hear
How the Chimney-sweepers cry
Every blacking Church appalls,
And the hapless Soldiers sigh,
Runs in blood down Palace walls
But most thro' midnight streets I hear
How the youthful Harlots curse
Blasts the new-born Infants tear
And blights with plagues the Marriage hearse


The SICK ROSE
O Rose thou art sick.
The invisible worm,
That flies in the night
In the howling storm;
Has found out thy bed
Of crimson joy:
And his dark secret love
Does thy life destroy.

49. LONDON

I wander thro' each charter'd street,
Near where the charter'd Thames does flow,
And mark in every face I meet
Marks of weakness, marks of woe.

In every cry of every Man,
In every Infant's cry of fear,
In every voice, in every ban,
The mind-forg'd manacles I hear.

How the chimney-sweeper's cry
Every black'ning church appals;
And the hapless soldiers sigh
Runs in blood down palace walls.

But most thro' midnight streets I hear
How the youthful harlot's curse
Blasts the new-born infant's tear,
And blights with plagues the marriage hearse.

49. ЛОНДОН

По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.

Мужская брань, и женский стон,
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Законом созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных.

Перевод С. Я. Маршака

50. THE HUMAN ABSTRACT

Pity would be no more
If we did not make somebody poor;
And Mercy no more could be
If all were as happy as we.

And mutual fear brings peace,
Till the selfish loves increase:
Then Cruelty knits a snare,
And spreads his baits with care.

He sits down with holy fears,
And waters the ground with tears;
Then Humility takes its root
Underneath his foot.

Soon spreads the dismal shade
Of Mystery over his head;
And the caterpillar and fly
Feed on the Mystery.

And it bears the fruit of Deceit,
Ruddy and sweet to eat;
And the raven his nest has made
In its thickest shade.

The Gods of the earth and sea
Sought thro' Nature to find this tree;
But their search was all in vain:
There grows one in the Human brain.

50. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердья люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.

Покой и мир хранит взаимный страх.
И себялюбье властвует на свете.
И вот жестокость, скрытая впотьмах,
На перекрестках расставляет сети.

Святого страха якобы полна,
Слезами грудь земли поит она.
И скоро под ее зловещей сенью
Ростки пускает кроткое смиренье.

Его покров зеленый распростер
Над всей землей мистический шатер.
И тайный червь, мертвящий все живое,
Питается таинственной листвою.

Оно приносит людям каждый год
Обмана сочный и румяный плод.
И в гуще листьев, темной и тлетворной,
Невидимо гнездится ворон черный.

Все наши боги неба и земли
Искали это дерево от века.
Но отыскать доныне не могли:
Оно растет в мозгу у человека.

Перевод С. Я. Маршака

51. INFANT SORROW

My mother groan'd, my father wept,
Into the dangerous world I leapt;
Helpless, naked, piping loud,
Like a fiend hid in a cloud.

Struggling in my father's hands,
Striving against my swaddling-bands,
Bound and weary, I thought best
To sulk upon my mother's breast.

51. ДИТЯ-ГОРЕ

Мать в слезах. Отец взбешен.
Страшный мир со всех сторон.
Затаюсь, нелеп и наг,
Словно дьявол в пеленах.

То в руках отцовских хватких
Я забьюсь в бесовских схватках,
То угрюмый взор упру
В мир, что мне не по нутру.

Перевод В. Л. Топорова

52. A POISON TREE

I was angry with my friend:
I told my wrath, my wrath did end.
I was angry with my foe:
I told it not, my wrath did grow.

And I water'd it in fears,
Night and morning with my tears;
And I sunned it with smiles,
And with soft deceitful wiles.

And it grew both day and night,
Till it bore an apple bright;
And my foe behold it shine,
And he knew that it was mine,

And into my garden stole
When the night had veil'd the pole:
In the morning glad I see
My foe outstretch'd beneath the tree.

52. ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел —
Гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я таил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

Рос он ночью, рос он днем.
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Темной ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

Перевод С. Я. Маршака

53. A LITTLE BOY LOST

'Nought loves another as itself,
Nor venerates another so,
Nor is it possible to Thought
A greater than itself to know:

'And, Father, how can I love you
Or any of my brothers more?
I love you like the little bird
That picks up crumbs around the door.'

The Priest sat by and heard the child,
In trembling zeal he seiz'd his hair:
He led him by his little coat,
And all admir'd the priestly care.

And standing on the altar high,
'Lo! what a fiend is here,' said he,
'One who sets reason up for judge
Of our most holy Mystery.'

The weeping child could not be heard,
The weeping parents wept in vain;
They stripp'd him to his little shirt,
And bound him in an iron chain;

And burn'd him in a holy place,
Where many had been burn'd before:
The weeping parents wept in vain.
Are such things done on Albion's shore?

53. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное я,
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем своя.

Я не могу любить сильней
Ни мать, ни братьев, ни отца.
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца».

Услышав это, духовник
Дитя за волосы схватил
И поволок за воротник.
А все хвалили этот пыл.

Потом, взобравшись на амвон,
Сказал священник: «Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей!»

И не был слышен детский плач,
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.

Был на костре — другим на страх —
Преступник маленький сожжен...
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?

Перевод С. Я. Маршака

54. A LITTLE GIRL LOST

Children of the future age,
Reading this indignant page,
Know that in a former time,
Love, sweet Love, was thought a crime!

In the Age of Gold,
Free from winter's cold,
Youth and maiden bright
To the holy light,
Naked in the sunny beams delight.

Once a youthful pair,
Fill'd with softest care,
Met in garden bright
Where the holy light
Had just remov'd the curtains of the night.

There, in rising day,
On the grass they play;
Parents were afar,
Strangers came not near,
And the maiden soon forgot her fear.

Tired with kisses sweet,
They agree to meet
When the silent sleep
Waves o'er heaven's deep,
And the weary tired wanderers weep.

To her father white
Came the maiden bright;
But his loving look,
Like the holy book,
All her tender limbs with terror shook.

54. ЗАБЛУДШАЯ ДЕВОЧКА

Дети будущих веков!
Из разгневанных стихов
Вы узнаете о том,
Что Любовь была грехом.

В веке золотом,
Светом залитом, —
Вечная весна
И, как снег ясна,
Юных тел нагая белизна.

Он, она — юны,
Нежных дум полны.
Хорошо двоим
Утром золотым,
Утром, вечным светом залитым.

В утренней тиши
В кущах ни души:
Не глядит отец,
Не спешит гонец, —
Уна внемлет трепету сердец.

Восстают из трав,
Радостно устав;
Новой встречи ждут
В час, как все уснут,
В час, когда лишь странники бредут.

И, как снег светла,
В дом к отцу вошла.
Бел отец как лед,
Полн святых забот,
Он взглянул — и страх ее трясет.

'Ona! pale and weak!
To thy father speak:
O! the trembling fear,
O! the dismal care,
That shakes the blossoms of my hoary hair!'

«Дочь, как ты бледна!
Уна, ты больна?
О, потоки слез!
Гибельный вопрос
Рвет, как вихрь, цветы седых волос!»

Перевод В. Л. Топорова

55. TO TIRZAH

Whate'er is born of mortal birth
Must be consumèd with the earth,
To rise from generation free:
Then what have I to do with thee?

The sexes sprung from shame and pride,
Blow'd in the morn; in evening died;
But Mercy chang'd death into sleep;
The sexes rose to work and weep.

Thou, Mother of my mortal part,
With cruelty didst mould my heart,
And with false self-deceiving tears
Didst bind my nostrils, eyes, and ears;

Didst close my tongue in senseless clay,
And me to mortal life betray:
The death of Jesus set me free:
Then what have I to do with thee?

55. К ТИРЗЕ

Рожденный Матерью Земной
Опять смешается с Землей;
Став прахом, станет Персть равна —
Так что же мне в тебе, Жена?

Восстав из Спеси и Стыда,
Два Пола пали в Никуда;
Но Смерть до Сна низведена —
Два Пола встали после сна.

Мать Смертной Участи Моей!
Дарительница Всех Скорбей!
Замазала твоя слеза
Мне Ноздри, Уши и Глаза.

Мне косным сделала Язык.
На смерть я из Тебя возник!
Душа Голгофой спасена —
Так что же мне в тебе, Жена?

Перевод В. Л. Топорова

56. THE SCHOOLBOY

I love to rise in a summer morn
When the birds sing on every tree;
The distant huntsman winds his horn,
And the skylark sings with me.
O! what sweet company.

But to go to school in a summer morn,
O! it drives all joy away;
Under a cruel eye outworn,
The little ones spend the day
In sighing and dismay.

Ah! then at times I drooping sit,
And spend many an anxious hour,
Nor in my book can I take delight,
Nor sit in learning's bower,
Worn thro' with the dreary shower.

How can the bird that is born for joy
Sit in a cage and sing?
How can a child, when fears annoy,
But droop his tender wing,
And forget his youthful spring?

O! father and mother, if buds are nipp'd
And blossoms blown away,
And if the tender plants are stripp'd
Of their joy in the springing day,
By sorrow and care's dismay,

56. ШКОЛЬНИК

Люблю я летний час рассвета.
Щебечут птицы в тишине.
Трубит в рожок охотник где-то.
И с жаворонком в вышине
Перекликаться любо мне.

Но днем сидеть за книжкой в школе —
Какая радость для ребят?
Под взором старших, как в неволе,
С утра усаженные в ряд,
Бедняги школьники сидят.

С травой и птицами в разлуке
За часом час я провожу.
Утех ни в чем не нахожу
Под ветхим куполом науки,
Где каплет дождик мертвой скуки.

Поет ли дрозд, попавший в сети,
Забыв полеты в вышину?
Как могут радоваться дети,
Встречая взаперти весну?
И никнут крылья их в плену.

Отец и мать! Коль ветви сада
Ненастным днем обнажены
И шелестящего наряда
Чуть распустившейся весны
Дыханьем бури лишены, —

How shall the summer arise in joy,
Or the summer fruits appear?
Or how shall we gather what griefs destroy,
Or bless the mellowing year,
When the blasts of winter appear?

Придут ли дни тепла и света,
Тая в листве румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год.
Когда зима опять дохнет?

Перевод С. Я. Маршака

57. THE VOICE OF THE ANCIENT BARD

Youth of delight, come hither,
And see the opening morn,
Image of truth new-born.
Doubt is fled, and clouds of reason,
Dark disputes and artful teasing.
Folly is an endless maze,
Tangled roots perplex her ways.
How many have fallen there!
They stumble all night over bones of the dead,
And feel they know not what but care,
And wish to lead others, when they should be led.

57. ГОЛОС ДРЕВНЕГО БАРДА

Придите, молодые!
Уже заря зажглась,
И правда родилась.
Скрылись тени вековые,
Мудрствования пустые.
Лабиринтом вырос бред.
От корней проходу нет.
Многие споткнулись там,
Блуждая по костям во мраке до зари.
Плетутся с горем пополам,
Себя вождями мнят, а им самим нужны
Поводыри.

Перевод В. Б. Микушевича

SONGS OF INNOCENCE AND OF EXPERIENCE
Shewing the Two Contrary States of the Human Soul

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ,
изображающие два противоположных состояния человеческой души

«Песни Неведения» создавались приблизительно между 1784—1790 гг., впервые награвированы в 1789 г. (31 лист, сохранился 21 экземпляр). Стихотворения «Нянюшкина песня», «Заблудившийся мальчик», «Святой четверг» первоначально входили в рукопись «Острова на Луне».

«Песни Познания» создавались в основном между 1790—1792 гг., впервые награвированы совместно с «Песнями Неведения» в 1794 г. (54 листа, сохранилось 27 экземпляров). В дальнейшем гравировались только вместе с первым циклом.

При окончательном редактировании из «Песен Неведения» в «Песни Познания» были перенесены 4 стихотворения: «Заблудшая дочь», «Обретенная дочь», «Школьник», «Голос древнего барда». Стихотворение «К Тирзе» добавлено не ранее 1803 г.

Идея объединения «Песен» в единое целое могла быть подсказана Блейку его любимым поэтом Мильтоном, издавшим в 1645 г. в виде диптиха свои юношеские поэмы *L'Allegro* и *Il Penseroso,* где один и тот же герой изображен на двух стадиях своего духовного развития. Сходный принцип композиции применен Айзеком Уоттсом (Isaac Watts, 1674-1748) в его «Божественных песнях для детей на простом языке» (*Divine Songs Attempted in Easy Language for the Use of Children,* 1715). По своему содержанию, однако, стихи Блейка либо очень далеки от поэзии Уоттса, либо полемичны по отношению к ней.

В издании Дж. Сэмпсона стихи расположены согласно блейковскому изданию 1794 г. В дальнейшем порядок расположения менялся, окончательный вариант установлен сэром Дж. Кинсом и принят во всех новейших изданиях, включая и настоящее.

SONGS OF INNOCENCE
ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ

13. INTRODUCTION
13. ВСТУПЛЕНИЕ

Стихотворение содержит основную мысль всего цикла: от безмятежности Неведения через горечь Познания к высшему жизнеприятию. Приводим перевод В. Топорова:

С дудкой я бродил в лесах,
Дул в зеленое жерло.
Вижу: с тучки в небесах
Свесилось дитя мало.

— Про ягненка мне сыграй! —
Я сыграл, как мне велят.
— Ах! и снова начинай! —
Вижу: божий мальчик рад.

— Если в песне есть слова,
Их, счастливец, не таи! —
Спел я, что играл сперва.
Хвалит он слова мои.

— В книжку песню помести,
Чтобы все прочесть могли! —
И уж облачко в пути...
Взял я пригоршню земли,

Ею воду замутил
И тростинку поломал:
Без пера и без чернил
Детям книгу написал.

15. THE ECHOING GREEN
15. ЗЕЛЕНОЕ АУ

Приводим перевод С. Маршака:

Смеющееся эхо

Солнце взошло,
И в мире светло.
Чист небосвод.
Звон с вышины
Славит приход
Новой весны.
В чаще лесной
Радостный гам
Вторит весной
Колоколам.

А мы, детвора,
Чуть свет на ногах,
Играем с утра
На вешних лугах,
И вторит нам эхо
Раскатами смеха.
Вот дедушка Джон.
Смеется и он.
Сидит он под дубом
Со старым народом,
Таким же беззубым
И седобородым.

Натешившись нашей
Веселой игрой,
Седые папаши
Бормочут порой:
— Кажись, не вчера ли
На этом лугу

Мы тоже играли,
Смеясь на бегу,
И взрывами смеха
Нам вторило эхо!

А после заката
Пора по домам.
Теснятся ребята
Вокруг своих мам.
Так в сумерках вешних
Скворчата в скворешнях,
Готовясь ко сну,
Хранят тишину.
Ни крика, ни смеха
Впотьмах на лугу.
Устало и эхо.
Молчит, ни гугу.

16. THE LAMB
16. ЯГНЕНОК

В стихотворении содержится евангельская реминисценция: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: Вот Агнец Божий, Который берет на **Себя** грех мира» (От Иоанна, I, 29). Ср. также заключительные строки трактата Блейка «Не существует естественной религии» (*There is No Natural Religion*): "Therefore God becomes as we are, that we may be as He is." Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод С. Маршака:

Агнец

Агнец, агнец белый!
Кем ты, агнец, сделан?
Кто пастись тебя привел
В наш зеленый вешний дол,

Дал тебе волнистый пух,
Голосок, что нежит слух?

Кто он, агнец милый?
Кто он, агнец милый?

Слушай, агнец кроткий,
Мой рассказ короткий.
Был, как ты, он слаб и мал.
Он себя ягненком звал.
Ты — ягненок, я — дитя.
Он такой, как ты и я.

Агнец, агнец милый,
Бог тебя помилуй!

17. THE LITTLE BLACK BOY
17. НЕГРИТЕНОК

В стихотворениях Уоттса (см. коммент. на с. 503) *Praise for Birth and Education in a Christian Land* и *Praise for the Gospel* английский мальчик благодарит Бога за то, что родился христианином, а не язычником. Стихотворение Блейка утверждает равенство всех обитающих в царстве Неведения.

Приводим перевод С. Маршака:

Черный мальчик

Мне жизнь в пустыне мать моя дала,
И черен я — одна душа бела.
Английский мальчик светел, словно день,
А я черней, чем темной ночи тень.

Учила мать под деревом меня
И, прерывая ласками урок,
В сиянье раннем пламенного дня
Мне говорила, глядя на восток:

— Взгляни на Солнце — там господь живет,
Он озаряет мир своим огнем.
Траве, зверям и людям он дает
Блаженство утром и отраду днем.

Мы посланы сюда, чтоб глаз привык
К лучам любви, к сиянию небес.
И это тельце, этот черный лик —
Ведь только тучка иль тенистый лес.

Когда глазам не страшен будет день,
Растает тучка. Скажет он: «Пора!
Покиньте, дети, лиственную сень,
Резвитесь здесь, у моего шатра!»

Так говорила часто мать моя.
Английский мальчик, слушай, если ты
Из белой тучки выпорхнешь, а я
Освобожусь от этой черноты, —

Я заслоню тебя от зноя дня
И буду гладить золотую прядь,
Когда, головку светлую клоня,
В тени шатра ты будешь отдыхать.

to bear the beams of love — ср. стихотворение Уоттса *Grace Shining and Nature Fainting*: "Nor is my soul refined enough/To bear the beaming of his love,/And feel his warmer smiles."

Is but a cloud — см. коммент. к стихотворению «Безумная песня»; ср. также Данте «Чистилище», II, ст. 122—123

19. THE CHIMNEY SWEEPER
19. МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Стихотворение представляет собой отклик Блейка на призывы передовой общественности Англии запретить эксплуатацию дет-

ского труда. Эта тема тогда широко обсуждалась в английской печати (см., в частности, «Эссе о трубочистах» Чарльза Лэма — Charles Lamb, 1775-1834). В 1824 г. стихотворение было перепечатано в составленном Дж. Монтгомери альманахе *Chimney Sweepers' Friend and Climbing Boys Album.* Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод С. Маршака:

Маленький трубочист

Был я крошкой, когда умерла моя мать.
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я невзгоды терплю,
Ваши трубы я чищу, и в саже я сплю.

Стригли давеча кудри у нас новичку,
Белокурую живо обстригли башку.
Я сказал ему: — Полно! Не трать своих слез.
Сажа, братец, не любит курчавых волос!

Том забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто мы, трубочисты, — Дик, Чарли и Джим, —
В черных гробиках тесных, свернувшись, лежим.

Но явился к нам ангел, — рассказывал Том, —
Наши гробики отпер блестящим ключом,
И стремглав по лугам мы помчались к реке,
Смыли сажу и грелись в горячем песке.

Нагишом, налегке, без тяжелых мешков,
Мы взобрались, смеясь, на гряду облаков,
И смеющийся ангел сказал ему: «Том,
Будь хорошим — и бог тебе будет отцом!»

В это утро мы шли на работу впотьмах,
Каждый с черным мешком и с метлою в руках.
Утро было холодным, но Том не продрог.
Тот, кто честен и прям, не боится тревог.

'weep! 'weep! 'weep! — иронически обыгрывается типичное для того времени разговорное произношение слова "sweep"

20. THE LITTLE BOY LOST
20. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

Некоторыми комментаторами стихотворение рассматривается как предвестие позднейших философских произведений Блейка о человечестве, оказавшемся в плену плоскорационалистических представлений и утратившем Бога. Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод С. Маршака:

«Где ты, отец мой? Тебя я не вижу,
Трудно быстрей мне идти.
Да говори же со мной, говори же,
Или собьюсь я с пути!»

Долго он звал, но отец был далеко.
Сумрак был страшен и пуст.
Ноги тонули в тине глубокой,
Пар вылетал из уст.

And away the vapour flew — Слово "vapour" употреблено здесь в значении «блуждающий огонек», подобный болотным огням (ср. will-o'-the wisp), и непосредственно связано с "wandr'ng light" следующего стихотворения. Лист, на котором награвированы эти стихи, изображает мальчика, протягивающего руки к лучу света: он предчувствует приближение Отца.

21. THE LITTLE BOY FOUND
21. МАЛЬЧИК НАЙДЕННЫЙ

Перевод В. Топорова публикуется впервые.
Приводим перевод С. Маршака:

Маленький мальчик, устало бредущий
Вслед за болотным огнем,
Звать перестал. Но отец вездесущий
Был неотлучно при нем.

Мальчика взял он и краткой дорогой,
В сумраке ярко светя,
Вывел туда, где с тоской и тревогой
Мать ожидала дитя.

23. A CRADLE SONG
23. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

По своей метрической организации «Колыбельная» близка стихотворению Уоттса *Cradle Hymn.* Однако, если в стихотворении Уоттса благополучие младенца противопоставлено бесприютности Иисуса, по преданию родившегося в хлеву ("How much better thou'rt attended/Than the Son of God could be... Here's no ox anear thy bed"), то Блейк скорее подчеркивает близость ребенка и творца ("Sweet babe once like thee,/Thy maker lay and wept for me").

24. THE DIVINE IMAGE
24. ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

all must love — В данном случае слово "must" указывает не только долженствование, но и существование, выступая синонимом как should, так и do.

25. HOLY THURSDAY
25. СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Приводим перевод С. Маршака:

Куда идут ряды детей, умытых, чистых, ясных,
В нарядных платьях — голубых, зеленых, синих, красных?

Седые дядьки впереди. Толпа течет под своды
Святого Павла, в гулкий храм, шумя, как Темзы воды.

Какое множество детей — твоих цветов, столица!
Они сидят над рядом ряд, и светятся их лица.
Растет в соборе смутный шум, невинный гул ягнят.
Ладони подняты у всех, и голоса звенят.

Как буря, пенье их летит вверх из пределов тесных,
Гремит, как гармоничный гром среди высот небесных.
Седые пастыри внизу. Лелейте же сирот,
Чтоб добрый ангел не ушел от запертых ворот.

Holy Thursday — День Вознесения в англиканской церкви (первый четверг мая). В лондонском соборе св. Павла в этот день на торжественную службу собирали сирот.

mighty wind — ср. *Acts,* II, 2-4

26. NIGHT
26. НОЧЬ

Приводим перевод В. Топорова, публикуемый впервые:

Ночь

Взошла, хоть все еще закат,
Вечерняя звезда.
Умолкши, в гнездах птицы спят,
Лишь я лишен гнезда.
Луна, как растение,
В небесном цветении
Любуется тьмой
С улыбкой немой.

Покойны травы и стога,
Отрада днéвных стад.

Ягнята дремлют. На луга
Заступники спешат.
Они, светозарные,
Вольют в благодарные
Земные создания
Свое ликование.

Они обстанут тихость гнезд
И мир звериных нор,
Ночных дерев неслышный рост
И сонный плеск озер.
А встретят неспящего
И жалко кричащего —
Пребудут при нем
Забвеньем и сном.

Где кровоалчны Волк и Лев,
Они вздымают стон
О том, чтоб сгинул глад и гнев
И агнец был спасен.
А зверь не отступится —
Пред богом заступятся
За тварь убиенную,
За душу бесценную.

И в рай ведут овцу со львом,
Но лев уже не тот:
Из огненных очей ручьем
Златые слезы льет.
«Мое превращение —
В его всепрощении,
И кротость его —
Мое естество!

Теперь, ягненок, я пасусь
С тобою наравне

И Агнцу Божьему молюсь
В небесной вышине.
В блаженном раскаянье
Сбылись мои чаянья,
Ночь стала благой,
А грива — златой!»

And now beside thee... — ср. Исаия, II, 6: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их»

...life's river — ср. Откровение Иоанна Богослова, 22, I: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца»

30. A DREAM
30. СОН

В сборнике Уоттса имеется стихотворение *The Ant, or Emmet* по метрическому рисунку совпадающее с этим стихотворением Блейка.

hie = hasten

31. ON ANOTHER'S SORROW
31. О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Wiping all our tears away — ср. Откровение Иоанна Богослова, 7. 17: «...и отрет Бог всякую слезу с очей их»

SONGS OF EXPERIENCE
ПЕСНИ ПОЗНАНИЯ

32. INTRODUCTION
32. ВСТУПЛЕНИЕ

Стихотворение содержит призыв к Падшему Человеку, чьим символом выступает Земля, восстать и вернуть себе утраченное могущество над Вселенной. Человек должен жить не по законам

механического разума, а по законам воображения, являющегося для Блейка высшей способностью человека.

Calling the lapsèd soul — подразумевается грехопадение Адама и Евы

The starry pole — Северный полюс. В символике Блейка ассоциируется с состоянием войны.

O Earth, O Earth, return! — ср. Иеремия 22, 29: «О, земля, земля, земля! Слушай слово Господне»

The starry floor, /The wat'ry shore — в символике Блейка обозначения царства Уризена, или же «ньютоновского (см. коммент. на с. 505) космоса», как и starry Jealousy и the heavy chain в следующем стихотворении

33. EARTH'S ANSWER
33. ОТВЕТ ЗЕМЛИ

Развитие темы предыдущего стихотворения: волею Уризена мир окован цепями страха и зла, а Вечность подменена в нем конечностью времени и пространства.

35. HOLY THURSDAY
35. СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Параллель к одноименному стихотворению «Песен Неведения». Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод С. Маршака:

Святой четверг

Чем этот день весенний свят,
Когда цветущая страна
Худых, оборванных ребят,
Живущих впроголодь, полна?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
Здесь царит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы, —
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

36. THE LITTLE GIRL LOST
36. ЗАБЛУДШАЯ ДОЧЬ

Grave = engrave

And the desart wild /Become a garden mild — Согласно античной мифологии, Земля превращается в бесплодную пустыню в период пребывания Персефоны в подземном царстве Аида и вновь расцветает каждой весной, когда по велению Зевса Персефона возвращается к своей матери Деметре. Ср. также Исаия, 35, I: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветет, как нарцисс».

Lyca — Один из блейковских образов чистой души, которая страдает, приобщаясь к Познанию (ср. «Книгу Тэль»). Гравюра изображает не семилетнюю девочку, а девушку-подростка в объятиях юноши.

37. THE LITTLE GIRL FOUND
37. ОБРЕТЕННАЯ ДОЧЬ

allay = put to rest

38. THE CHIMNEY SWEEPER
38. МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Параллель к одноименному стихотворению «Песен Неведения».

39. NURSE'S SONG
39. НЯНЮШКИНА ПЕСНЯ

Параллель к одноименному стихотворению «Песен Неведения».

40. THE SICK ROSE
40. БОЛЬНАЯ РОЗА

В представлениях Блейка любовь — это чисто духовное переживание, непримиримое с физическим инстинктом, символом которого является червь в данном стихотворении и других произведениях, изображающих мир Познания (в стихах о Неведении этот образ отсутствует). Приводим перевод А. Парина:

О роза, ты гибнешь!
Червь, миру незрим,
В рокотании бури,
Под покровом ночным

Высмотрел ложе
Алого сна твоего
И потайной и мрачной любовью
Губит твое естество.

41. THE FLY
41. МОТЫЛЕК

В XVIII в. слово "fly" означало любое крылатое насекомое яркой окраски. Перевод В. Топорова публикуется впервые

Приводим перевод С. Маршака:

Муха

Бедняжка муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила,
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли нет, —

Так пусть умру я
Или живу, —
Счастливой мухой
Себя зову.

Am not I/A fly like thee? — Ср. у Т. Грея (Thomas Gray, 1716-1771) *Ode on the Spring:* "Poor Moralist! and what art Thou? A solitary fly!"

42. THE ANGEL
42. АНГЕЛ

По своему общему смыслу перекликается с «Больной розой».

43. THE TYGER
43. ТИГР

Параллель к стихотворению «Ягненок» из «Песен Неведения». Многочисленные толкования «Тигра» отражают сложность центрального образа-символа. Большинство современных комментаторов в большей или меньшей степени разделяют интерпретацию, предложенную С. Ф. Дэмоном (S. F. Damon): олицетворяя ярость разрушения, Тигр символизирует и очистительную энергию, необходимую, чтобы сокрушить заблуждения и зло мира, порабощенного Уризеном, и проложить путь к свету через темные заросли людских самообманов и жестокостей, составляющих сущность современного бытия.

Приводим перевод К. Бальмонта:

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?

В небесах иль средь зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?

Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован — такой?

Чей был молот, цепи чьи,
Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх?

В тот великий час, когда
Воззвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, —

Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?

Приводим также широкоизвестный перевод С. Маршака:

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,

Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий звук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, —
Улыбнулся ль, наконец,
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Чьей бессмертною рукой
Создан грозный образ твой?

forests of the night — у Данте («Ад») и Мильтона («Комус») лесная чащоба олицетворяет земное бытие

45. AH! SUN-FLOWER...
45. АХ! ПОДСОЛНУХ!..

Who countest the steps of the sun — В «Метаморфозах» Овидия нимфа Клития, отвергшая любовь бога солнца Гипериона, обращена в цветок, на протяжении всего дня поворачивающий головку вслед солнцу.

46. THE LILY
46. ЛИЛЕЯ

Приводим перевод С. Маршака:

Есть шип у розы для врага,
А у барашка есть рога.
Но чистая лилия так безоружна,
И, кроме любви, ничего ей не нужно.

Приводим также перевод В. Потаповой:

Лилии

Шипы для защиты испытаны Розой.
Своей красоты не пятнают угрозой
В любовном всесилии лишь белые Лилии,
Восторженно льющие свой блеск в изобилии.

47. THE GARDEN OF LOVE
47. САД ЛЮБВИ

Согласно Блейку, в сфере Познания властвует церковность, обращающая в кладбище райский сад Неведения, тогда как подлинная вера не имеет ничего общего с религиозной догматикой и запретами. Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод В. Потаповой:

Я увидел в Саду Любви,
На зеленой лужайке, — там,
Где, бывало, резвился я, —
Посредине стоящий Храм.

Я увидел затворы его,
«Ты не должен!» — прочел на вратах.
И взглянул я на Сад Любви,
Что всегда утопал в цветах.

Но, вместо душистых цветов,
Мне предстали надгробья, ограды
И священники в черном, вязавшие терном
Желанья мои и отрады.

48. THE LITTLE VAGABOND
48. МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

Приводим перевод В. Топорова, публикуемый впервые:

Сорванец

Маманя, чем в церкви холодной дрожать,
Уж лучше в кабак я отправлюсь опять;
Хоть знаю о том, что пиво с вином
На небе считают смертельным грехом.

Вот если бы в церкви давали пивка,
Да грели бы грешников у камелька,
Любой бы орал священный хорал,
А грязный кабак за углом прогорал.

Вот что бы священнику выпить со мной —
Я возликовал бы, как птичка весной;
Да выгнать к чертям уродливых дам,
Которые нас приучают к постам.

Да если б Господь, как папаша хмельной,
Играл бы, дурачился вместе со мной,
Не клял Сатану за тягу к вину,
А выпил бы с ним, да притом не одну!

49. LONDON
49. ЛОНДОН

Приводим перевод В. Топорова, публикуемый впервые:

Лондон

Размышляя о Правах,
Я по Лондону брожу.
В каждом взоре вижу страх,
Страх и горе нахожу.

В каждом крике каждых уст,
В хоре детских голосов, —
Каждый шорох, каждый хруст —
Ржанье ржавых кандалов.

Церковь каждую клянут
Трубочистов черных кличи,
Вопли ветеранов льют
Кровь — в дворцовое величье.

А в ночи — всего лютей
Шлюхи визг, чернотворящий
Новорожденных — в чертей,
Новобрачных — в прах смердящий.

each charter'd street ... charter'd Thames — Блейк иронически обыгрывает слово "charter", означающее сумму привилегий и свобод, предоставленных хартиями городу Лондону.

50. THE HUMAN ABSTRACT
50. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Параллель к стихотворению «По образу и подобию» из «Песен Неведения».

51. INFANT SORROW
51. ДИТЯ-ГОРЕ

Параллель к стихотворению «Дитя-радость» из «Песен Неведения».

53. A LITTLE BOY LOST
53. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

Параллель к стихотворениям «Заблудившийся мальчик» и «Мальчик найденный» из «Песен Неведения». Перекликается со стихотворением Уоттса *Obedience to Parents.*

55. TO TIRZAH
55. К ТИРЗЕ

Имя Тирза взято из «Песни Песней» (6, 4). Персонаж фигурирует у Блейка также в «Мильтоне» и «Иерусалиме». Олицетворение физической страсти, отвергнутой, поскольку плотский инстинкт лишает любовь духовности. На гравюре изображено тело мертвеца, над которым склонился старик, готовящий его к погребению; на одеянии старика начертано: "It is raised a spiritual body" (*I Corinthians,* 15, 44).

FROM "THE ROSSETTI MANUSCRIPTS"
ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ»

Альбом, представляющий собой рабочую тетрадь Блейка и заполнявшийся рисунками и стихами приблизительно с 1789 по 1811 гг. Был приобретен в 1847 г. Данте Габриэлем Россетти. Содержит первоначальные варианты ряда стихотворений из «Песен Неведения и Познания», а также стихи, не включенные в этот цикл, рисунки, прозаические заметки и пр. В издании Дж. Кинса обосновано деление материала этой тетради на три раздела по хронологическому принципу, сохраняемое и нами. Датировка обосновывается, исходя из размещения набросков тех гравюр, относительно которых с большей или меньшей точностью известно время исполнения.

1789—1793
58. NEVER SEEK TO TELL THY LOVE...
58. СЛОВОМ ВЫСКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ...

Приводим перевод В. Топорова, ранее не публиковавшийся: